

Сказ о
Хоси-химэ

Наталия Богомолова

Сказ о Хоси-химэ

«Автор»

2026

Богомолова Н.

Сказ о Хоси-химэ / Н. Богомолова — «Автор», 2026

В старой Японии, в эпоху Хэйан, крестьянин Такаиэ-сама нашёл в лесу младенца, завернутого в листья лопуха. Он воспитал девочку как родную дочь и дал ей имя Хоси — «Звезда». Она выросла необыкновенной красавицей, и однажды её судьба привела её в столицу, в императорский дворец, где ей предстояло стать принцессой. Но путь от горной хижины до шёлковых занавесей оказался полон неожиданных поворотов. История, которую сам Такаиэ-сама рассказывает в лунную ночь, — это легенда о небесной деве, о любви и о том, как трудно удержать упавшую звезду.

© Богомолова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Наталия Богомолова

Сказ о Хоси-химэ

«Сказ о Хоси»

Неведомо, при каком микадо¹ это было, но было то в далёкую старину.

В озарённым лунным светом саду сплошь опадали цветы. Над ручейками горели огни светляков, качались зажжённые фонари на слабом ветерке, разносящем томительно-сладостные ароматы курений; с ними смешивалось неповторимое благоухание опадающих вишен. Трепетная тишь чуть разбавлялась плеском воды в колодце цукобай и пением цикад в зарослях мальв. Подавно стихли звучанья струн цитры, опустели чарки от вина, и закончились стихи; таковой была ночь после гостей. Право, особым унынием отличался сад южных покоев дворца, и обитатель его – старец, охваченный всевозможными недугами, по имени Такаиэ-сама – печально глядел на лунный лик. Человек он был возвышенных мыслей: обладал немалыми дарованиями в поэзии и музыке, созерцал вишнёвые цветы на Второй луне², слагал стихи и спокойно принимал одиночество. На сей раз, спровадив гостей, что пожаловали к нему на чай, он вновь предался печальным раздумьям.

Цветы, осыпаясь с веток, кружились в воздухе, стлалась ночная дымка, окутывающая сад прохладной мглой, и уносясь мыслями в прошлое, Такаиэ-сама сидел возле галереи, с усталю глядя на осенённый туманом сад. Его умиротворение в одночасье нарушил знакомый голос – к покоям возвратился один из гостей, оставивший по нечаянности свой благоуханный веер, исписанный стихами. Сорвав на ходу ветвь вишни и цветок белой мальвы, гость явился к Такаиэ-сама с извинениями за беспокойство. Ни сказав ни слова, старец отдал молодому господину его забытый веер, и едва гость поспешил покинуть сад, как вдруг угадал в выражении хозяина тихую печаль.

– Вы так долго устремляете взор к лунному лику³... – проговорил он с сочувствием. – И в глазах ваших покоится какая-то неизъяснимая тоска. Отчего вы так печальны, Такаиэ-сама?

– Звёзд на небе сказочная россыпь, но ни одна не падает, – туманно ответил Такаиэ-сама. – Быть может, однажды что-то сильно их напугало, и поныне держатся они на ночном небе, точно боясь с него сойти?

– Уж мне не знать...

– И мне, к несчастью, также. Все мы словно былинки под каплями рос; мы невольники предназначения, всё, что остаётся нам – смиряться под бурями, какими бы ни были они. Путём невмешательства в естественный порядок вещей мы дозволяем судьбе вести нас с гармонии и спокойствию. Мои разумения оспоримы, но думается мне, действовать вопрекор судьбе – бессмысленно, куда она прокладывает нам пути к будущему и властвует нашими деяниями, подчас всё же принося нам довольство.

Гость призадумался.

– Но что же тогда вершит деяния человека в брэнном мире? Воля богов, единый устав или невидимая ниточка выдуманной судьбы? Когда несчастливы, мы говорим: «таково предопределение моё» и сидим, покорно ожидая воли всевышних. Длань божья указывает нам на путь истинный, и мы следуем, отдавая забвению собственные чаяния. А судьба, мы знаем, не всегда радуется за нас, не всегда нас жалеет, отчего смертные и склоняются под нею, точно под хлыстом, страшась несчастья. Разве не мы вершим свои судьбы, Такаиэ-сама?

¹ Старинное именование японского Государя.

² В эпоху Хэйан (794-1185) был принят лунный календарь, по которому с Первой по Третью луну была весна. Следовательно, Вторая луна – апрель, сезон цветения сакуры.

³ В древней Японии считалось, что смотреть долго на луну – значит кликать на себя беды.

Старец опечаленно поник; будто вспомнив о чём-то. Гость в конце концов подумал: «Правду о нём молвят: чудной старец. Столько о нём только историй рассказывают...». Слышал как-то гость от придворных, якобы Такаиэ-сама однажды «поймал звезду с неба». Так уж истари повелось: люди чаще всего злословят о том, что их меньше всего касается, и небылицам многим суждено превратиться в быль. Но верить подобному было безрассудно.

– Неужели так безрадостна ваша жизнь, – осведомился молодой господин, – что каждый день вы прозябаете в ожидании ночи, и под покровом сумерек предаётесь всякий раз подобного рода философствованиям? – с сожалением спросил гость, а сам подумал: «Одиночество поистине сковывает людей извечными цепями горя. Как жаль господина; ведь слыл он в молодости самым хисанги⁴ при дворе, и многое было ему подвластно. Что же, отныне он совсем один? Ни детей, ни внуков... Как же так можно: оставить после себя пустой дом?»

– Недолго осталось мне доживать, – вздохнул Такаиэ-сама. – На старости лет ненароком припоминаются бывшие несчастья, притупляют они иные чувства. Вы уж не серчайте на меня за столь тоскливую беседу. При звёздах во мне вечно просыпаются волнения и печали. Таково оно – старческое бездолие.

– Досадно, но... Быть может, вы поведаете мне о горестях, что одолевают вас «при звёздах»? В моём имении все слуги, обуреваемые негодными чувствами, все являются ко мне за духовной поддержкой. Я всё-таки не имею обыкновения судить о людях по слухам, потому расскажите мне обо всём сами, без околичностей. Я выслушаю вас с должным почтением. Пусть это будет моей благодарностью вам за тёплый приём.

Старец печально улыбнулся и произнёс с очарованием:

– Так вот слушайте, однажды я поймал звезду, упавшую с неба.

Ночная дымка спустилась с отрогов к деревенским полям, устанным росами. В горной глубине, лишь ветер налетал, шуршали листья бамбука в роще, улетали они вместе с ветром вдаль и вскоре падали наземь, осыпая собою замшелые изгороди сельских огородов. Уже вовсю собирали урожай: тыквы-кабocha, виноград, дыни, зелёный чай, растущий за горами, рис; и ступали на порог прохладные ночи, ступала осень.

По тропе, что вилась по склону среди диких порослей бурьяна и горькой полыни, шёл, взвалив на плечи корзинку с хворостом, усталый крестьянин, дровосек и собиратель чая Такаиэ-сама⁵, прозванный таковым за свои злободневные труженичества. Ещё молодой, он, однако, трудился днём и ночью; про таких молвят: «Уходит при рассветной звезде, приходит – при ночной». В деревне, примостившейся за множеством рощ и лесов, его почитали за трудолюбие и доброту, хотя бывало, право, некоторые чуждались его строгого нрава. Тем не менее, в помощи Такаиэ-сама никому никогда не смел отказать, посему и обращались к нему с почтением на «сама», отдавая справедливую дань его стараниям. Старик-отец его давно занемог, растерял всякую мочь, и всё, что оставалось делать Такаиэ-сама – так это трудиться. Ни дня без испарины, ни дня без мозолей на руках! Порой он сетовал, отчаявшись из-за усталости, и роптал на весь мир людской, обвиняя судьбу за то, что наградила его непосильным трудом и не дала продыху. Но вскоре даже такие досадные мысли покидали его, и он вздыхал, раздумывая: «Нет, мне не от чего печалиться. Конечно, наша жизнь полна различных превратностей, оттого мы и ропщем на богов и будд, подчас полагая, что несчастья снисходят на нас в воздаяние за грехи в прежних рождениях. Однако полагать так неблагоприятно; это точно пусто-

⁴ Вице-советники (*хисанги*) — лица Четвёртого ранга (а не Третьего, необходимого для того, чтобы стать советником), по ряду причин допускаемые до участия в обсуждении государственных дел наравне с советниками.

⁵ «Сама» – уважительное обращение; «господин», «почтенный».

словное оправдание, которым мы прикрываемся, когда полны лени и нежелания меняться, находить решения трудностей, преодолевать их. Всякий прямой и крепкий бамбук в одночасье склонится под ветром, поломаются его стебли, а человек?» Находя в себе новые силы, Такаиэ-сама вновь и вновь уходил трудиться за горы, и даже в столь однообразных днях угадывались маленькие радости, которым он, однако, придавал огромное значение.

В тот вечер даже холодная роса казалась ему необыкновенно очаровательной. На пути встретила ему, было, водяная мельница, колесо которой обросло подавно лесными мхами, и соломенный домик возле неё. Бежала ручьями вода с родника, и плеск её тихий лился в созвучье с шёпотом лесных трав. Прикрывая тяжёлые веки от усталости, слушая шорох листьев, умиленно шептал Такаиэ-сама какие-то старые песни и срывал на ходу былинки. Вдруг... почувствовалось ему, будто из зарослей диких трав льётся чей-то плач. Пригляделся он, как расступились перед ним бурьяны, будто Человек Небес потянул за ниточки, и видит: укутанный большими листьями лопухов, младенец лежит, не пойми откуда взявшийся. Плачет, а падают на его лопуховое ложе капельки ночной росы; падают на щёчки и сливаются со слезами. Такаиэ-сама растерянно огляделся: никого нет; лишь пели осенние цикады у водяной мельницы в глуши, и бродил по лугам колдующий ветер. Удивившись, Такаиэ-сама тем не менее нисколько не испугался. «Кем бы ни был сей безответственный попечитель, – только подумал он, – негоже оставлять младенца здесь в холоде да сумраке». И после этого он решил взять малютку с собою, к себе домой.

Дом Такаиэ-сама стоял именно в том месте, где тропы, ведущие к бамбуковой роще, ныряли в небольшую низину, окаймлённую со всех сторон зарослями папоротников, и где проходил подле неё ручей, что брал своё начало издали, с горных лесов. Пройдя бамбуковую рощу, пришёл наконец Такаиэ-сама с младенцем, укутанным большими листьями лопухов, к родной тростниковой изгороди; за нею стоял скромный деревенский домик с галереей и огородом. Буйные стебли полыни тянулись вверх, чуть ли перерастая соломенную стреху, сверчки стрекотали в кустах хмеля, и старый колодец стоял за изгородью, за которой уж разрасталась обитель лесного братства: буки, дубы, ивы, что спускались до камышового болота. По здешним тропинкам всегда бегали, собирая грибы и валежники, деревенские ребята; они нередко заглядывали домой к бабушке, отцу Такаиэ-сама, и тот угощал их похлёбкой, за что сын его вечно ругал. Ох, как нелегко было для Такаиэ-сама присматривать и за привольными мальчиками, и за отцом, и за домом, чтоб не зарастал огород крапивой! Ныне же он вновь обрёл себя на подобного рода мучения, и было бы просто увернуться от забот, но сердце, столь тёплое и доброе, не позволяло ему не внять беде ближнего и пройти её стороною.

Придя домой, Такаиэ-сама купал младенца в тёплой воде, укутал в мягкую простынку и, прижав к сердцу, постарался хоть как-нибудь да успокоить его. Однако слёзы дитя лились неустанно, и не ведал Такаиэ-сама, что делать. Отчаявшись, он поручил малютку заботам отца-старика, а сам побежал стремглав вновь за бамбуковую рощу, к остальному селению, где жила его давняя подруга о-Тиё со своей семьёй. В свой черёд о-Тиё попросила матушку сцедить немного молока для младенца, найденного Такаиэ-сама, и вместе с ним отправилась покормить найденныша. Стали они вдвоём заботиться о малютке и вскоре разузнали – это была девочка.

«Так она, должно быть, маленькая звезда, – догадался старик-отец. – Перед осенью всегда идут яркие звездопады, должно быть, одна звёздочка всё же не удержалась на небе. Диво, да тебя, Такаиэ, сами боги одарили столь чудесной заботой – заботой о дитя».

Впрочем, оставить её он не мог. Малу-помалу пришлось Такаиэ-сама растить своё названное дитя. Отныне он совсем не знал покоя: утром собирал он чай с рисом за горами; днём рубил лес и бамбуки в роще; а вечером, придя домой, плёл он корзинки из стеблей, варил рисовые каши и, отвлекаясь, осыпал заботами девочку-крошку. Были и более спокойные времена; зимою он всецело посвящал себя ей: и кормил, и грел, и одевал, и играл с нею, сам забавляясь. На чай к ним нередко приходила и о-Тиё со своею заботой, и стала она вскоре для

девочки словно старшая сестрица. Хорошо, что люди в деревне – все души не чаяли в Такаиэ-сама и охотно помогали ему с воспитанием. Деревенские девочки приносили ей свои старые куклы, мальчишки – лягушек и жуков, после чего прогонял их Такаиэ-сама прочь, а остальные присматривали за крошкой, пока отец её трудился за горами. Приходил он, было, утомлённый и, измученный, садился отдыхать у сада, парить ноги в чане с горячей водою, а девочка тут как тут. Подносит ему горсточку гороха, семечки подсолнуха или цветы тыквы-горлянки. В те милые мгновенья Такаиэ-сама поистине считал её даром богов.

На заре Такаиэ-сама вновь собирался уходить собирать чай за горы, но девочка не пускала: запрыгивала в плетеную корзинку за спину, и делай, что хочешь. Приходилось брать её с собою на плантации. Весь путь пела крошка какие-то песенки, услышанные из уст деревенских мальчишек, и улыбаясь, срывала гроздь лисьего винограда, цветущего навесами над головою. А на чайной плантации бегала от луга к лугу и крошила по земле сорванные листья чая. Все труженицы смеялись над нею и без устали твердили Такаиэ-сама: «Какая расчудесная девочка у тебя растёт, господин. Гляжу на неё, и на душе тепло. Красавицей станет, как небесная фея».

До трёх лет звал он её просто крошкой, но едва она подросла, подобное имя перестало идти ей к лицу. Оборотилась она прилежной маленькой красавицей, столь миловидной, что неволею как-то раз задумался Такаиэ-сама: «Ужель и вправду звезда?» Красоты девочка была невиданной, и нисколько не портили её простые деревенские наряды. К тому же, нрав её слыл мягким, как у доброго божества, росла она весёлой и трудолюбивой и совсем скоро стала она средоточием всех мыслимых совершенств; недаром в деревне звали её то ли шуточно, то ли очарованно химэгими⁶.

«Выходит, что правда таково моё предопределение: воспитывать названую дочь, – говорил как-то раз Такаиэ-сама своему старику-отцу. – Право, не прибегая к предрассудкам, нельзя не отметить её исключительной миловидности... Даже оскорбительно будет оставлять её без имени. Поглядим, придётся ли ей по сердцу имя Хоси⁷?»

«Хоси, значит, – добродушно посмеялся старик-отец. – Как хорошо. А что же, ты ей отныне ведь словно отец. А я, стало быть, наконец-то удостоился чести иметь внуков. Чего ещё нужно на старости лет?.. – Улыбка его смешалась со сладкими слезами, стекающими по морщинам. – Мне так радостно за тебя».

Прошла пора, когда не могла Хоси заснуть без ласковой руки отца, всей покрытой ссадинами и мозолями, – настала пора её взросления. Такаиэ-сама знал, что баловать ребенка – все равно что бросить его, а посему воспитывал маленькую химэгими на разные лады: то заботливыми попечениями, то должной строгостью. Не обошлось и без помощи о-Тиё; Такаиэ-сама был уверен, что никто не взрастит деву лучше, чем иная, старшая дева. Хоси росла быстро, как побег бамбука, и нежная прелесть её лица с каждой весною становилась всё прекраснее. Как птица, была химэгими вольна и свободна: пока природа расстилала ей под ноги цветы, бегала девочка по полянам, собирала смолу с деревьев и росы с лепестков, приносила домой множество красивых букетов и любовалась ими перед сном, как картиною; сошлись звёзды, наделив Хоси жаром огня и прохладой росы. Однако, словно перелётная птица, редко она предавалась сидячему покою. Когда шёл дождик, поливая чертополохи в огороде, маленькая химэгими встречала его, бегая по сырой траве босиком, ловя капельки. Гонялся поначалу Такаиэ-сама за нею, дабы поймать да увести под кров, а затем вдруг сам разыгрывал духом и догонял её, щекоча. Смеялась Хоси без продыху. Вскоре прибежала о-Тиё, и вместе с Такаиэ-сама гонялись они за маленькой химэгими по всему мокрому полю, и дедушка, наблюдая за резвящимися молодыми, тихонько посмеивался.

⁶ Япон. – принцесса, знатная девушка.

⁷ Япон. – звезда.

«Эх, Хоси! – смеялся над непоседливой девочкой и Такаиэ-сама. – Известно ли тебе, что химэгими не пристало столь привольно играть да плясать? – Он поймал её, смеющуюся, и понёс домой. – Ну что за баловница! Посиди в покое хоть немножко».

Уж больно часто предавалась она увеселениям, и никогда отец её за то не порицал; наоборот – он и сам смешил её так, что хохотала она до упаду. Пока она радовалась даже обыкновенному летнему дождю, в некотором роде можно было назвать её наивной; над её невинной душою подчас потешались и деревенские мальчишки, с которыми она веселилась и беспутствовала по горным лугам и лесам. С ними она водилась постоянно и от них перенимала всякое: от песенок до повадок – однако, какой бы невиданной красоты она ни была, любовь к майским жукам, охоте на фазанов и беготне по огородам нисколько её не портило. По крайней мере, Такаиэ-сама порой не мог отвести с неё глаз: такой уж казалась она ему лучезарной и милой. Нападет иной раз на него усталость, взглянет на дочку – и устали словно не бывало. Охватит его досада, гнев, а только посмотрит на неё – и сразу легче на сердце станет. Сама же Хоси боготворила отца и всегда находила в нём утешение. Едва мокли её глаза, едва ощущала она в себе беспокойство, страх или грусть, тотчас бежала к нему, прижималась к его тёплой груди и пряталась под его крылом. Тот бережно прикрывал её от невзгод и так же не просил от никаких разъяснений. Так безмерно берёг он её и лелеял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.